

«Сиб. огни», № 9, 1983

Александр Лейфер

ПЕТР ДРАВЕРТ: НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

В архиве П. Л. Драверта, хранящемся в Омском государственном объединенном историческом и литературном музее, есть письма, которые проливают свет на обширные, но малонизученные литературные связи Петра Драверта. Они разные. Например, один из корреспондентов, прислав Петру Людовиковичу свои вирши, просит его помочь «в расстановке знаков» (надо полагать, — знаков препинания).

Но вот несколько писем, рассказывающих об участии Драверта в одном из интереснейших сибирских журналов.

*«Редакция журнала
«Сибирский рассвет»
13 декабря 1918 г.
Барнаул, Томская, 84*

П. Драверту.

Мы узнали из газет, что вы живете в Омске, Ваш адрес разыскивали давно, но безрезультатно.

Посылаю анонс о журнале «Сибирский рассвет». Журнал № 1 за 1918 г. выйдет к 25-ХІІ. Если Вы откликнетесь, пошлем номер журнала.

Ваше сотрудничество очень и очень желательно. Скоро будем печатать плакат о журнале, присылайте согласие телеграфом, а вслед шлите что-нибудь почтой. Надеемся журнал развить до ежемесячного толстого, типа столичных.

В номере 1 будет — рассказы: Новикова-Прибоя «Шалый», мой «Недра жизни» и еще маленький Туликова или Казанского; науч.-поп. очерк Семенова «В тундре», Туликова о Сурикове, два стих. Ревердатто, Худякова. Другие отделы будут интересны.

Очень желательно издать в нашем книгоиздательстве «Сибирский рассвет» сборник Ваших стихов. Посылаю бандеролью мою книжку как образец.

С приветом Ст. Исаков».

Журнал был задуман как двухнедельный, листовка-анонс обещала подписчикам 1919 года 24 номера. Это обещание было выполнено лишь наполовину — вышло 12 номеров. Но зато во многом было выполнено обещание другое, главное: «Сибирский рассвет» действительно стремился — и не безуспешно — дать на своих страницах лучшее, чем располагала тогда литературная Сибирь.

Поэтому не случайно столь настойчиво приглашала к сотрудничеству редакция «Сибирского рассвета» Петра Драверта — автора знаменитого сборника «Под небом

якутского края» (1911). литератора, чье имя было к тому времени достаточно известно любителям поэзии и украсило бы страницы любого издания.

«Редакция журнала
«Сибирский рассвет»
16 декабря 1918 г.
Барнаул, Томская, 84

Уважаемый Петр Людовикович!

От Белослюдова² мы наконец-таки узнали Ваш адрес³.

Прилагая при сем анонс о «Сибирском рассвете», редакция и особенно П. А. Казанский убедительно просят Вас принять сотрудничество в журнале, а вместе с согласием прислать что-нибудь.

Кроме того, в издании культ-прос. Союза выпускаются брошюры — произведения сибирских поэтов и писателей, уже вышло 8 брошюр. И вот этому издательству очень желательно иметь Ваши стихи. У нас имеются две книги Ваших стихов, по Вашему указанию из этих книг можно выбрать на 32 страницы.

П. А. Казанский шлет Вам привет. Он просит Вас посетить Барнаул — из Семипалатинска не так далеко. Если вздумаете, то приезжайте к одной из суббот, так как у нас имеются литературные субботники и Вы были бы для нас праздником.

С приветом —

редактор Ст. Исаков».

Это письмо послано через три дня после первого. Видимо, Исаков понял, что письмо от 13 декабря не застало Драверта в Омске.

Связь так или иначе была установлена. Но Драверт не торопился попасть на страницы неизвестного ему журнала. Его гораздо больше привлекала идея издать сборник стихов в библиотеке, выходящей при «Сибирском рассвете». (Сборник, кстати, так и не вышел.) Об этом свидетельствуют еще два письма, посланные из редакции одно за другим.

«Редакция журнала
«Сибирский рассвет»
18 января 1919 г.
Барнаул, Томская, 84.

Многоуважаемый Петр Людовикович!

С удовольствием получили и прочитали посланные Вами в конце декабря 7 стихов, предназначенных для библиотеки «Сибирского рассвета», вместе с разрешением воспользоваться Вашим казанским изданием. Но... брошюра стихов — дело еще не такое близкое, а сейчас наши головы и сердца всецело заняты заботой о нашем журнале. А потому — покорнейшая просьба — урвите минуту от Ваших научных занятий и подарите нас стихами или статейкой, а лучше — и тем и другим. Если найдете свободное время, приезжайте к нам в Барнаул и сами, по возможности к какой-либо из суббот.

Шлем привет.

Секретарь редакции

Ю. Ревердатто.

Р. С. Если вы помните 1911—1912 г. в Томске, группу «якутян»⁴, собрания у Аласовых и т. д., В Шишкова, А. Росташеева и др., то, вероятно, вспомните и начинающего поэта Ю. Ревердатто.

Ваш Ю. Ревердатто».

Редакция журнала
«Сибирский рассвет»
19 января 1919 г.
Барнаул, Томская, 84.

Уважаемый Петр Людовикович!

Все Ваши стихотворения очевидно уже напечатаны, и мы рассматриваем их как

присланные для брошюры. Издательство, конечно, примет их. Но нам очень и очень желательно получить от Вас что-нибудь для журнала. Вероятно, Вас уже видел Белослюдов и говорил об этом, но тем не менее, мы просим поддержать журнал. Привет от П. А. Казанского и нашего литературного кружка.

Привет и от меня.

Ст. Исаков.

Нельзя не сделать некоторого отступления и не сказать несколько слов о редакторе «Сибирского рассвета» Степане Ильиче Исакове (1884—1921 гг.). Талантливый прозаик, активный организатор литературных сил, Исаков был душой журнала. Ему, крестьянину по происхождению, была глубоко чужда антинародная колчаковская диктатура, и без сомнения позиция, занятая журналом, оставалась именно такой, во многом благодаря убеждениям редактора, его смелости и настойчивости.

Итак, одним из тех, кто поддержал журнал, был Петр Драверт, он выступил в нем трижды, напечатав два стихотворения и статью «Платина и ее сибирские месторождения».

Первое из них — «Грустит одиноко на небе глубоко луна...», появившееся в сдвоенном 3—4 номере. Под стихотворением стоит пометка: «Семипалатинск, январь».

Стихотворение в общем-то нейтрально, пейзажно, но тем не менее выделяется своей отточенностью на фоне любительских опусов большинства поэтов «Сибирского рассвета».

Второе же стихотворение заслуживает особого разговора.

Прежде всего не сразу удалось определить, что это за стихотворение: в библиографии оно зафиксировано под названием «Северное», но в наиболее полном собрании стихов Драверта, составленном Еф. Боленьким, такого стихотворения нет. Да уж не «Северные цветы» ли это, о которых автор данного очерка писал еще в книге «Сибири не изменю!»?!

Предположение подтвердилось при непосредственном знакомстве с восьмым номером «Сибирского рассвета»: да, «Северное» — это именно то стихотворение, которое известно сейчас под названием «Северные цветы»!

...Омск, 1927 год. Город был центром округа, входящего в огромный Западно-Сибирский край. Выходила одна газета — «Рабочий путь», вокруг нее и сосредоточивалась вся местная литературная жизнь.

Вот подшивка за весенние месяцы 1927 года. Листая ее, видим, что газета развернула целую литературную кампанию по поводу скромного юбилея — пятилетия журнала «Сибирские огни».

Номер от 21 марта. В нем набранная крупным шрифтом «шапка»: «В воскресенье литературный Омск празднует пятилетие «Сибирских огней». И тут же статья — «Омский отряд «Сибирских огней». В ней рассказывается о работе местного отделения недавно созданного Сибирского союза писателей, называются имена литераторов-омичей Петра Драверта, Леонида Мартынова, Евлампия Минина, Антона Сорокина, Михаила Никитина.

«Рабочий путь» от 1 апреля 1927 года. В нем редакционная статья «Пять лет «Огней», она сопровождается фотографией первой редколлегии журнала: Михаил Басов, Феохтист Березовский, Емельян Ярославский, Валериан Правдухин, Лидия Сейфуллина и Давид Тумаркин.

2 апреля газета уделяет предстоящему юбилею целую страницу, озаглавленную «Пять лет «Сибирских огней». На ней — крупно набранные тексты:

«В воскресенье 3 апреля в помещении Дома работников просвещения состоится вечер, посвященный пятилетию журнала «Сибирские огни».

«Журнал «Сибирские огни» должен быть в каждом клубе, в каждой библиотеке, в каждом культурном уголке, в каждой школе».

На странице — статьи Лидии Сейфуллиной «Памятное пятилетие» и Владимира Зазубрина (тогда он был редактором журнала) «Литературная пушнина».

А рядом небольшая статья — «Профессор Драверт о журнале «Сибирские огни»:

«Из областных журналов СССР «Сибирские огни» достигли самых больших успехов. В них ярко отразился тот культурный подъем Сибири, которым отмечено последнее десятилетие в жизни нашего края.

Богат и разнообразен отдел беллетристики, хорошо представлено прошлое страны,

прекрасно ведётся библиографический отдел. Улучшается отдел краеведения, но слаб еще научный, мало места и публицистике.

Из научного отдела не следует изгонять статей, написанных строго научным языком, они всегда найдут своего благодарного и внимательного читателя...

...Как сибирский работник я могу пожелать только новых достижений «Сибирским огням» и более широкого распространения их в нашем крае и за пределами его».

Интересна «Литературная страница», появившаяся в газете в самый день юбилея. В ней представлено творчество тех, кого за несколько номеров до этого называли «Омским отрядом «Сибирских огней». Читатель получил новый рассказ Антона Сорокина «Кателькут», посвященный казахской теме, стихи Петра Драверта и Леонида Мартынова. Рядом групповая фотография омских писателей, на ней: Петр Драверт, Михаил Никитин, Леонид Мартынов, Надежда Чертова, Евлампий Минин и Антон Сорокин.

Случайно ли газета «Рабочий путь» уделила так много места первому скромному юбилею журнала? Конечно, не случайно. Дело в том, что, с одной стороны, Омск с самого начала играл большую роль в становлении «Сибирских огней». А с другой стороны — журнал с первых лет своего существования активно влиял на развитие литературной жизни Омска.

В 1921 году поиски талантливых литераторов — будущих авторов журнала велись широко. В Омск была командирована Лидия Сейфуллина — ответственный секретарь «Сибирских огней». Поездка оказалась результативной: журнал получил таких авторов, как поэты Георгий Вяткин, Петр Драверт, Александр Оленич-Гнененко, прозаик Антон Сорокин, публицист Вениамин Вегман...

Как видим, название старейшего сибирского журнала и имя Петра Драверта то и дело стоят рядом. Да, поэт-ученый был одним из самых верных «огнелюбов».

Фамилия Драверта фигурирует уже в самом первом номере. Здесь, в разделе критики и библиографии, отрецензирован ряд книг, выпущенных в Омске. И, в частности, помещена небольшая рецензия на брошюру профессора П. Л. Драверта «Об использовании корневища сусака в качестве суррогата хлеба». Под рецензией стоит псевдоним «Е. Я.». Так подписывал некоторые свои работы видный партийный деятель и публицист Емельян Ярославский. И, видимо, не случайно он обратил внимание на книжку Драверта: в западных районах страны все еще свирепствовал голод, и пропаганда такой книги могла спасти жизнь сотням людей.

А уже во втором номере началось сотрудничество с «Сибирскими огнями» поэта Драверта. И началось прекрасно — стихотворением «Из якутских мотивов» — тем самым, которое вскоре настолько понравится нарком просвещения А. В. Луначарскому, путешествовавшему в 1923 году по Сибири, что он запомнит его наизусть и еще долго будет читать друзьям запавшие в душу строки:

От моей юрты до твоей юрты
Горностая следы на снегу.
Обещала вчера явестить меня ты,—
Я дожидаться тебя не могу...⁴

Это было началом. А затем последовали другие публикации — новые стихи, научно-популярные статьи, рецензии, выступления по вопросам литературы и искусства. Около трех десятков раз появлялась подпись Драверта в «Сибирских огнях».

В преддверии самой последней публикации было послано в Омск следующее письмо:

«Уважаемый тов. Драверт!

Спасибо за то, что Вы откликнулись на нашу просьбу как всегда хорошими стихами. Они переданы мной — членам редколлегии в ряде других материалов, подготавливаемых для первого номера журнала «Сиб. огни», который с 1/1-1946 г. снова возвращается к жизни.

Вдвойне приятно будет видеть среди новых имен Ваше имя старинного «сибогневца», знакомое и любимое читателям.

Еще раз — большое спасибо.

Не забывайте нас и впредь.

Привет

Е. Стюарт»⁵.

Письмо не датировано, но, судя по всему, написано оно в конце 1945 года. К сожалению, автор стихов своих, о которых идет речь, увидеть напечатанными не смог:

они появились в первом номере 1946 года, а Петр Людовикович умер 12 декабря 1945-го...

Но вернемся к первому году существования «Сибирских огней». Именно в 1922 году связал свою судьбу с этим журналом Вивиан Итин. Скорее всего именно по заданию журнала он приехал в конце этого года из Новониколаевска в Омск. Видимо, тогда и состоялось его знакомство с Дравертом, так как об этом осталась память — книга в личной библиотеке Петра Людовиковича. Книга называется «Страна Гонгури» (Канск, 1922), на ней дарственная надпись: «Петру Людовиковичу Драверту от автора на память о незабываемой для меня встрече. В. Итин. 15.XI.22 г. Омск».

Первое из писем Итина к Драверту, обнаруженных автором этого очерка, датировано 10 августа 1928 года.

«Дорогой Петр Людовикович!

Разбирая папки прежней редакции, я только сегодня увидел и прочитал Ваши стихи.

Благодарю за посвящение, но, думаю, в печати лучше вычеркнуть его: я теперь редактор...».

Среди известных стихотворений П. Драверта нет такого, которое было бы посвящено В. Итину. Но само намерение поэта сделать такое посвящение говорит об его искреннем расположении к своему брату по перу. Не случайно один из открытых им минералов Петр Людовикович назвал «Вивианит».

Их роднила не только любовь к Сибири и страсть к путешествиям. В какой-то точке соприкасались их поэтические устремления и вкусы: и тот, и другой принадлежали к немногочисленной когорте стихотворцев, работающих в жанре так называемой научной поэзии, берущей свое начало в России еще от М. В. Ломоносова. Исследователь творчества Вивиана Итина Ю. Мостков пишет: «Итин не мог не знать, что вокруг попыток ввести в обиход поэзии научные факты бушуют споры, ничуть не смягченные поэтическим авторитетом Драверта»⁷. Может быть, поэтому Итин смог по достоинству оценить поэзию Драверта. В одной из литературных страниц «Рабочего пути» он поместил статью об его творчестве. Там он, в частности, писал:

«Петр Людовикович Драверт не только поэт. Он прежде всего ученый, профессор минералогии, исследователь Сибири. И поэтому, может быть, он — поэт. Есть увлекательная поэзия знания, мыслей, приходящих в рабочих лабораториях, экспедициях, где знакомые грезы так парадоксально противоречат веками неизменным пустыням»⁸...

Итин щедро цитирует стихи Драверта, анализирует основной лейтмотив его поэзии, в которой «любовь к женщине сливается у поэта с любовью к Сибири».

Вывод, сделанный критиком, трудно оспаривать и сегодня. В то же время он ценен для нас тем, что позволяет четче представить место Драверта-поэта в конкретной литературной обстановке второй половины 20-х годов.

«П. Драверт как поэт, как мастер своего дела не принадлежит ни к одной из современных групп. Он даже весьма отличается к разной там «стихотехнике». «Примат содержания над формой» признан им задолго до ВАПП'а и, разумеется, не по его рецептам. Читая Драверта-поэта, редко забываешь Драверта-профессора, которому прежде всего некогда, которому порой позволительно по ученой рассеянности забыть собственные свои достижения. Стих его — звучный и точный, как во всех приведенных здесь отрывках, иногда бледнеет и горкнет, как душистая травяная настойка, оставленная в мензурке. Но в Драверте больше его самого любишь Сибирь, эту неоткрытую еще страну, лежащую у наших ног. Поэзия Драверта — большой этап в сибирской поэзии. След, оставленный им, глубокий и неизгладим»⁹.

Становится понятным, почему в немногочисленных, по-деловому коротких письмах Итина к Драверту (чаще всего это почтовые открытки) настойчиво звучит одно и то же — приглашение к сотрудничеству в «Сибирских огнях».

(Июль, 1933 г.)

«Уважаемый Петр Людовикович!

Я назначен отв. редактором «Сибирских огней»¹⁰. Поэтому прошу Вас возобновить сотрудничество в журнале. В частности, прошу Вас прислать стихи, которые по-

чему-то не были напечатаны и в редакции не сохранились. Я буду печатать также и серьезные научные статьи.

Искренне Ваш — Вивиан Итин».

«Уважаемый Петр Людовикович!

Ваши стихи не были получены. Наш адрес: Советская, 6. Можно также прислать мне: проспект Сталина 3/5, кв. 2.

Ваша статья об якутском фольклоре нам нужна, мы как раз объявили, что будем давать фольклор. Вы окажете мне большое одолжение, если поручите компетентному лицу написать заметку о Вашем юбилее и Вашей научно-литературной работе для № 1 журнала.

21.XII.33 г. Ваш Вивиан Итин».

Заметка С. Кочнева «30 лет литературной и научной деятельности П. Л. Драверта» появилась в журнале даже раньше — в двоекном 11—12 номере за 1933 год; видимо, удалось поместить ее в самый последний момент. Продолжал печататься в «Сибирских огнях» и сам Драверт. Правда, в тридцатые годы сотрудничество не было столь активным, как в двадцатые: Драверт-ученый «побеждал» Драверта-поэта.

Иногда старый «огнелюб» помогал родному журналу и как рецензент. Это видно из письма В. Итина от 5 апреля 1934 года:

«Уважаемый Петр Людовикович!

Прошу прислать статью Кулика для № 3 «Сиб. огней» (К сожалению, выпуск журнала очень задержался типографией.). Ваша рекомендация вполне достаточна.

Здесь есть интересный человек — т. Капустин, метеорологист. Его статья о заморозках напечатана в «Соц. земледелии», в диск. порядке. Он жалуется, что его затирают и не понимают, не могли бы Вы просмотреть его рукопись под назв. «Тайна ветров»?

Ваш В. Итин».

Статья известного исследователя Тунгусского метеорита, коллеги и личного друга Драверта Леонида Кулика «О режиме метеоритов в земной атмосфере» появилась в четвертой книге журнала за 1934 год. Работа же Капустина, видимо, не внушила профессору доверия — напечатана она не была.

Связь с журналом не прерывалась практически до самой смерти Петра Людовиковича. Судя по архиву Драверта, он переписывался и с другими сотрудниками «Огней» — Н. Чертовой, а также ответственным секретарем редакции В. Вихлянцевым. В письмах к друзьям и знакомым он то и дело пропагандировал журнал, это видно, например, по переписке с якутским поэтом Петром Черных-Якутским¹¹, с поэтом и меуаристом Иваном Малютиным¹².

Иногда по той или иной причине (чаще всего, видимо, из-за огромной занятости научной работой) в сотрудничестве Драверта с журналом наступал спад. Тогда редакция начинала беспокоиться.

«4 апреля 1941 г.

Глубокоуважаемый Петр Людовикович!

Пишу Вам по поручению всей редколлегии. Крайне желательно постоянное Ваше сотрудничество в журнале. Мы не теряем надежды, что добрые отношения между Вами и редакцией возобновятся и Вы, старейший сотрудник «Сиб. огней», многим поможете нам сделать журнал одинаково интересным и для омичей, и для всей Сибири.

Летом, будучи в Омске, я заручился устным Вашим обещанием дать «Сибирским огням» новые стихи, а также новые очерки, над коими Вы, по слухам, сейчас работаете.

Пожалуйста, присылайте стихи. Будем очень признательны, если Вы дадите также нам очерк такого рода, как «Метеорит с надписью», который мы с превеликой редакционной завистью читали в прошлом году в омском альманахе.

Зная, что Вы перегружены научной работой, я, тем не менее, надеюсь, что Вы не оставите нашей просьбы без внимания.

*В. Г. Утков ознакомит Вас с примерными планами журнала на будущее.
С искренним приветом — член редколлегии «Сиб. огней»*

А. Смердов».

П. Драверт не замедлил откликнуться и на эту просьбу. Вот другое, короткое, письмо А. И. Смердова, сохранившееся в музее:

«28 апреля 1941 г.

Дорогой Петр Людовикович!

С удовольствием печатаем в № 3 «Сиб. огней» стихотворение «Искатель самоцветов». Хорошее, прозрачное и своеобразное стихотворение.

Номер, предполагаем, выйдет в первых числах июня.

Искренний привет и пожелание здоровья

Александр Смердов»¹³.

Таковы письма, проливающие свет на взаимоотношение Петра Драверта с двумя журналами... А ведь уже к 1925 году разных изданий, с которыми он сотрудничал, насчитывалось больше тридцати.

Как много еще предстоит нам узнать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (ОГОИЛМ), фонды, архив П. Л. Драверта. Страницы писем и документов в этом архиве пока не пронумерованы, поэтому давать сноски ко всем остальным письмам, которые будут цитироваться в данном очерке, нецелесообразно.
2. Алексей Белослюдов, натуралист, этнограф, фольклорист. Печатался в «Записках Западно-Сибирского отдела Русского географического общества». В «Сибирском рассвете» поместил статью «Поездка на озеро Балхаш летом 1917 г.» (№ 2).
3. П. Л. Драверт находился тогда в длительной командировке в Семипалатинске.
4. Группа «якутян», т. е. бывших политических ссыльных, отбывавших наказание в Якутской области. По ходатайству Академии наук последний год якутской ссылки был заменен Драверту пребыванием в Томске, где он вошел в кружок местных литераторов.
5. Об этом факте много лет спустя вспоминала вдова А. В. Луначарского. См.: Н. Луначарская-Розенель. Память сердца. Воспоминания. Издание 4-е. М., «Искусство», 1977, стр. 16.
6. Печатается с разрешения Е. К. Стюарт. Елизавета Константиновна прислала автору данного очерка волнующий человеческий документ — ответное письмо Драверта, продиктованное им за восемь дней до смерти: «г. Омск, 4.XII.1945 г. Уважаемая г. Стюарт! Очень признателен Вам за Ваш обрадовавший меня отзыв о посланных мною вещах... Вероятно, Вы еще не знаете о напавшей на меня два месяца тому назад тяжелой болезни. Не только писать, но и передвигаться на постели без посторонней помощи я не могу. Конечно, и голова уже не работает нормально. Желая Вам всего, всего доброго! Ваш Драверт».
7. Ю. Мостков. Вторая встреча. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1972, стр. 119.
8. «Рабочий путь», 17 апреля 1927 г.
9. Там же.
10. Редактором «Сибирских огней» В. А. Итин был дважды — в 1928—1929 годах и в 1933—1938-м.
- 11—12. Соответствующие письма приведены в книге А. Лейфера «Сибири не изменю!...». Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство, 1979.
13. Письма А. И. Смердова печатаются с разрешения их автора.